

DOI: 10.25629/НС.2025.03.02

УДК 94

ВАК 5.6.1. Отечественная история

ЖИЗНЬ ЗА РОССИЮ. ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ ГЕРМОГЕН

Бочарников И.В.

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Аннотация

В статье рассматриваются основные этапы жизнедеятельности Патриарха Московского и всея Руси Гермогена. В отечественную историю Патриарх Гермоген вошел как духовный лидер в тяжелейший для российской государственности период, инициировавший и возглавивший сопротивление порабощению страны и захват ее польскими интервентами. Вся жизнь Патриарха Гермогена была посвящена служению России, утверждению и сохранению в стране Православия, являвшегося и являющегося важнейшей духовной скрепой российской государственности. Он оказался одним из немногих представителей российской политической элиты того времени, который не только не пошел на сговор с иноземными оккупантами и их пособниками, а, напротив, выступил открыто и бескомпромиссно против подчинения России каким-либо внешним силам, а Православной церкви – католическим эмиссарам. Будучи предстоятелем Русской Православной церкви, в тяжелейшее для России время он совершил главный подвиг своей жизни – твердое противостояние избранию на царство представителей польской политической элиты и их ставленников. Попытки польского военного руководства иностранной интервенцией привлечь его к сотрудничеству и легитимации захвата политической власти в стране Патриархом были проигнорированы, а предложения отвергнуты. Напротив, Патриарх своими проповедями и посланиями вдохновил и благословил народы страны на вооруженное выступление за освобождение России от иностранного владычества. Ценою твердости Патриарха стала его жизнь.

Ключевые слова

Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси, Православие, Московское царство, Смута, Василий Шуйский, Семибоярщина, польская интервенция, народное ополчение, Казанская икона Божией Матери

Введение

В истории России было много переломных моментов, которые кардинально повлияли на ход событий в стране. Безусловно, к таковым с полным основанием можно отнести эпоху, получившую название «Смутное время» – охвативший Россию на рубеже XVI – XVII веков тяжелейший политический и социально-экономический кризис, поставивший страну на грань разрушения государственных начал и фактического распада.

Разрушительные процессы, мятежи и беспорядки, поразившие большую часть территории страны, усиленные польской интервенцией, поставили под вопрос существование российского государства. Страна рассыпалась буквально на глазах, вакуум же власти был заполнен всевластием различного рода вооруженных формирований, в том числе и иностранными, творившими произвол в отношении населения.

В значительной мере катастрофическое положение России в условиях Смуты было обусловлено компрадорской позицией её политической элиты того времени. Предательство стало одним

из наиболее распространенных способов её существования. Представители знатных родов, чтобы не утратить своего положения и богатств, по несколько раз переходили из одного лагеря в другой, получая от разных претендентов на высшую власть в стране титулы, чины и земли и прочие преференции, продавая оптом и в розницу, суверенитет, достояние и интересы России.

В данном случае со всей очевидностью проявилась закономерность, обусловленная неспособностью лиц, добившихся правдами или неправдами своего высокого положения и богатств, жертвовать ими во имя интересов и безопасности страны. В этом и заключался феномен продажности российской политической элиты Смутного времени с легкостью, пошедшей на сговор с самозванцами и представителями зарубежных военно-политических структур и формирований, осуществлявших интервенцию в Россию.

При этом Россию стремились не только победить, но и унижить, поставив во главе государства самозванцев, а затем и наследника польской короны. Фактически речь стояла о том, быть ли России самостоятельным государством или же колониальной окраиной сопредельных государств.

Но свершилось всё иначе. Россия выстояла, сосредоточилась и победила. Для Русского государства Смутное время стало мощнейшим вызовом, стимулирующим общенациональную реакцию по освобождению от самозванцев и иностранного порабощения. По словам английского историка А. Тойнби, «Временное присутствие польского гарнизона в Москве (1611–1612 годы) и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы постоянно травмировали русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям ... Понадобилось чуть более столетия, считая с подвигов Петра, чтобы Швеция лишилась всех своих владений на восточных берегах Балтийского моря, включая свои исконные земли в Финляндии. Что же касается Польши, то она была стерта с политической карты» [28, С. 148].

Но это произошло уже позднее, в веке XVIII. Тогда же, в начале XVII века, вследствие духовного и патриотического народного порыва Смуту удалось преодолеть и сохранить Отечество. Волна гражданского патриотизма, зародившаяся в регионах страны и преобразовавшаяся в народное ополчение, положила конец жульничеству компрадорской элиты и ее зарубежных кураторов. Кремль, Москва, большинство исконно российских территорий были освобождены от оккупантов и их пособников.

Имена гражданина Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского известны в России каждому: именно они в начале XVII века возглавили народную борьбу против польских захватчиков, за что были увековечены как спасители Отечества в знаменитом монументе на Красной площади. В то же время, очевидно, что пантеон выдающихся наших соотечественников, отстоявших суверенитет, единство и безопасность России, не ограничивается только лишь их именами.

Среди тех, кто также оказал решающее влияние на преодоление Смуты, был Патриарх Московский и всея Руси Гермоген – вдохновитель народных ополчений, спасших Русское государство от польской интервенции.

Обсуждение

Патриарх Гермоген несомненно является одной из самых значительных личностей истории Русского христианства и России в целом. При этом многое в биографии этого выдающегося патриота Отечества осталось до конца не выясненным.

Так, в частности, о его происхождении историки и биографы спорят до сих пор: одни считают, что принадлежал он к знатному московскому роду, другие полагают, что будущий патриарх происходил из донских казаков.

С.М. Соловьёв, например, считал, что Гермоген происходил из рода князей Голицыных, ссылаясь при этом на родословную Гедиминовичей, записанную патриархом [4]. Кроме того, церковь во имя священномученика Ермолая была построена именно Голицыными.

По мнению другого отечественного историка XIX века, С.Ф. Платонова, Гермоген происходил из посадских людей. Основанием для этой гипотезы была запись на одной из вятских икон,

сообщавшая, что зятем Гермогена был вятский посадский человек Корнилий Рязанцев, получивший благословение патриарха [14, С. 231].

Бывший польский комендант Москвы А. Гонсевский в 1615 году во время съезда с царскими посланцами под Смоленском, упоминал, что в 1610–1611 гг. некий московский священник сообщил ему «прежние дела» патриарха, в частности, «как он в казаках донских и опосле попом в Казани бывал» [4].

Некоторые исследователи пишут о священнических корнях Гермогена. В синодике Троице-Сергиева монастыря названы родственники Гермогена – 22 имени, в числе которых – 5 имен иноков, имя иеромонаха, 5 имен младенцев [4].

Таким образом, разброс мнений и предположений о происхождении Патриарха Гермогена чрезвычайно широк. Некоторая неопределенность сохраняется и в отношении времени его рождения. Общепринятой датой считается 1530 год, но никаких прямых доказательств этой устоявшейся в историографии датировки нет.

Неизвестно даже, как окрестили мальчика его родители. Но тут разногласий между историками гораздо меньше. Обычно называют два имени: Ермолай и Григорий, притом абсолютное большинство биографов святителя отдают предпочтение первому варианту. Именно под этим именем и описывается его жизнедеятельность в ранние годы.

Юношество и зрелые годы Ермолая проходили на фоне могучих исторических сдвигов: царствование Ивана IV, опричнина, покорение Астрахани и Казани, Ливонская война, воцарение Бориса Годунова и кровавая трагедия в Угличе и, наконец, Смута, потрясшая устои российской государственности. Все эти события оказали влияние и на судьбу будущего Патриарха всея Руси, отдавшего свою жизнь на служение Отечеству и Православной Церкви. При этом, значительной части из них он был активным участником или, по крайней мере, свидетелем и очевидцем.

Начальным этапом его деятельности стала служба в Спасо-Преображенском монастыре. Будучи подростком, Ермолай отправился в город Казань, где находился данный монастырь и поступил в него. Служение будущего патриарха началось там же, в Казани, приходским священником при Гостинодворской церкви Святителя Николая. Современники описывали его как мудрого и чистого душой священника. По отзывам прихожан, священник Ермолай уже тогда был «муж зело премудростью украшенный, в книжном учении изящный и в чистоте жития известный» [20].

Именно в этом месте и начался его духовный путь. Из-за отсутствия должной информации следующие исторические события, связанные с Гермогеном начинаются лишь с конца 1570 годов.

Так, в частности, первая твердо известная дата в биографии Гермогена – 1579 год. Тогда в полуденный час 23 июня близ церкви святителя Николая, именуемого Тульским, во дворе «воина царского» Даниила Онучина начался пожар. Большая часть посада и Спасо-Преображенская обитель обратились в пепел. Началось медленное, трудное восстановление домов и храмов. И здесь, на одном из пепелищ, была обнаружена не пострадавшая икона Богоматери. Образу сразу же был назван чудотворным, его с почетом установили в Никольском храме.

После этого местный архиепископ (митрополит Тихон) поручил священнику Ермолаю копию иконы отвезти в Москву. Там он был встречен царем Иваном Грозным и столичным духовенством. Значимость события определялась тем, что само по себе явление чудотворной иконы знаменовало то, что Бог посылал на Русь свою благодать.

В это время 50-летний Ермолай был священником Гостиннодворской церкви в Казани. Позднее, будучи уже Казанским митрополитом, святитель составил письменное «Сказание о явлении Казанской иконы Божией Матери и совершившихся от неё чудесных исцелениях» [16]. Им же составлены стихиры и каноны в службе на день явления Казанской иконы Божией Матери, а также проникнутый высоким религиозным вдохновением известный тропарь «Заступнице усердная».

В 1587 году (возможно, вследствие вдовства) был пострижен в монашество с именем Гермоген (нередко встречается вариант «Ермоген»). По всей видимости, постриг был совершен в Чудовом в честь Чуда архангела Михаила в Хонех мужском монастыре в Москве. Вскоре он стал архимандритом казанского в честь Преображения Господня мужского монастыря.

Настоятельство Гермогена длилось менее года, притом значительную часть его пришлось провести в Москве в силу того, что в его обязанности также входило сопровождение Казанского митрополита в поездке на собор, где учреждалась Московская патриаршая кафедра. В рамках данного события происходило не только учреждение патриаршества в Москве, но также избрание первого патриарха. Участвовали в этом и Казанский митрополит Тихон вместе с Гермогеном.

13 мая 1589 года, после того как митрополит Тихон ушел на покой, Гермоген был избран епископом и возведен в сан митрополита Казанского и Астраханского (с 1602 г. – митрополит Казанский и Свияжский). Таким образом, уже весной 1589 года Гермоген оказался в центре большой политики России.

Возведение Гермогена в сан епископа и назначение его митрополитом Казанским и Астраханским состоялось патриархом Иовом. Гермоген сохранял твёрдость в вопросах веры, активно занимался христианизацией татар и других народов бывшего Казанского ханства. В 1592 году он с разрешения патриарха Иова положил начало поминовению православных воинов, погибших при взятии Казани, а также почитанию трех мучеников, убитых за свою приверженность христианству, – святых Иоанна, Стефана и Петра. По повелению Гермогена были перенесены мощи святого Германа Казанского из Москвы в Свияжский Успенский монастырь. Митрополит также принимал участие в открытии мощей святителей Гурия и Варсонофия, обретённых в ходе перестройки собора в Спасо-Преображенском монастыре в Казани.

В последнее десятилетие XVI века в России произошли события, кардинально изменившие ход русской истории и оказавшие влияние на внутривластную стабильность и безопасность России и её народов.

В 1591 году при загадочных обстоятельствах погибает младший сын Ивана Грозного – Дмитрий, чьё имя в последующем будет использовано для захвата власти в России ставленниками польской шляхты.

В 1598 году умирает царь Федор Иоаннович – последний представитель династии Рюриковичей.

В этот период митрополит Гермоген находился в Москве и непосредственно участвовал во всенародном молении у стен Новодевичьего монастыря и присутствовал на собравшемся в столице Земском соборе, который в феврале 1598 года избрал Бориса Годунова государем всея Руси. Венчание Бориса на царство состоялось 1 сентября.

В церкви Борис громко сказал Патриарху Иову поразившие всех слова: «Бог свидетель, отче, в моем царстве не будет нищих и бедных». Затем, дернув ворот парчовой рубахи, он добавил: «И эту последнюю разделю со всеми!». И действительно, царствование Бориса, по словам современников, открылось невиданными щедротами и милостями. Главное внимание государя было обращено на устройство внутреннего порядка в государстве, на «исправление всех нужных царству вещей» [10]. Крестьяне были освобождены на один год от уплаты податей, а иногородцы – от ясачного платежа. Купцы получили право беспошлинной торговли сроком на два года. Служилым людям выдали разом годовое жалованье. Закрылись кабаки, где народ пропивался до исподнего, сидевшие в тюрьмах вышли на свободу, опальные получили прощение, казни прекратились совсем, вдовы, сироты и нищие получили вспоможение. Царь укреплял старые города и строил новые – Цивильск, Уржум, Царево-Кокшайск, Саратов, Царицын. Столицу же он, по выражению Патриарха Иова, украс, «как невесту» [32]. Даже недоброжелатели Бориса отмечали, что он «всем любезен бысть» и что в первую половину его царствования Россия цвела всеми благами.

В то же время благополучие царствования Бориса Годунова длилось недолго. Начавшись успешно, оно закончилось печально. Череда боярских заговоров (многие бояре питали враждебность по отношению к «выскочке») породила уныние. Глухая оппозиция, сопровождавшая правление Бориса с начала и до конца, не была для него секретом. Существуют данные, что царь прямо обвинил приближённых бояр в том, что появление самозванца Лжедмитрия I не обошлось без их содействия. В оппозиции к власти находилось и городское население, недобвольное тяжёлыми поборами и произволом местных чиновников. При этом распространявшиеся слухи о причастности Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия ещё больше подогревали ситуацию.

В 1601–1603 годах в стране разразился катастрофический голод, продолжавшийся три года. Цена хлеба увеличилась в 100 раз. Борис запрещал продавать хлеб дороже определённого предела, даже прибегая к преследованиям тех, кто взвинчивал цены, но успеха не добился. Стремясь помочь голодающим, он не жалел средств, широко раздавая беднякам деньги. Но хлеб дорожал, а деньги теряли цену. Борис приказал открыть для голодающих царские амбары. Однако даже их запасов не хватало на всех голодных, тем более, что, узнав о раздаче, люди со всех концов страны потянулись в Москву, бросив те скудные запасы, которые всё же имелись у них дома [26].

Ко всем этим бедам прибавилась вспыхнувшая в разгар голода холера. Только в Москве от голода и холеры умерли 127 000 человек, а хоронить успевали не всех. В целом же государство лишилось трети населения.

Великий трехлетний голод и морозное лето 1604-го стали началом периода, который в русской истории зовется «Смутным временем». Державу сотрясали восстания, природные катаклизмы, войны с поляками и шведами. Всё это в итоге вылилось в тяжелейший экономический и государственно-политический кризис. В довершение бед в Польше объявился первый самозванец, который принял на себя имя царевича Дмитрия, погибшего 15 мая 1591 года.

В конце августа 1604 года Лжедмитрий выступил в поход на Русь. Польский сейм не согласился предоставить в его распоряжение войска Речи Посполитой, но с молчаливого согласия короля Сигизмунда III к самозванцу примкнули две тысячи польских шляхтичей, да еще в его стан перекочевало тысяч пять запорожских казаков. С этими незначительными силами самозванец добился головокружительных успехов. Города на его пути открывали перед ним ворота без единого выстрела.

Войско Лжедмитрия росло как на дрожжах и одерживало над царскими воеводами одну победу за другой. Однако в зимнем сражении под Добрыничами подоспевшая 70-тысячная московская рать нанесла Лжедмитрию полное поражение. Казалось, всё было закончено, но 13 апреля 1605 г. скоропостижно скончался Борис Годунов.

Его внезапная смерть коренным образом повлияла на последующие события в России. Власть в стране оказалась обезглавлена. Это спровоцировало борьбу окол властных группировок между собой и дестабилизацию в целом внутривнутриполитической ситуации в стране. Наиболее опасным стало разложение армии и выступление воинских частей на стороне мятежников. Так, уже 7 мая 1605 года в войске, осаждавшем Кромь, вспыхнул мятеж: часть ратников перешла на сторону Лжедмитрия, другие отступили к Москве.

Путь к столице самозванцу был открыт. Под его знамёна стекались тысячи дворян, крестьян и горожан. Утром 1 июня 1605 года москвичи бросились громить дворы Годуновых и их приближённых.

30 июня 1605 года Лжедмитрий I под радостные крики толпы въехал в Москву и объявил себя законным наследником Ивана Грозного. За несколько дней до этого (20 июня) толпа его сторонников разгромила дворец Бориса Годунова, зверски убив его сына Федора и мать Марию Григорьевну.

Таким образом, на волне социально-политических потрясений Лжедмитрий I при поддержке польско-литовских захватчиков вступил в Москву, узурпировав Русский Престол. Вместе со всей страной «законного царя Дмитрия Ивановича» приняла и Церковь, за исключением

Патриарха Иова, непреклонно осуждавшего самозванца. За это он был объявлен низложенным. Формальным основанием лишения сана было желание самого Иова. Другими словами, Иова вынудили отречься от патриаршества.

Новым патриархом Лжедмитрий I поставил митрополита Игнатия: тот одним из первых среди архиереев перешел на сторону самозванца. Игнатий венчал Лжедмитрия с Мариной Мнишек. С этого момента начался самый грозный и опасный в истории натиск католицизма на Россию, чреватый для неё падением в бездну исторического небытия. По сути, на российском престоле воссел агент Ватикана» [6]. О назначенном же им патриархе Игнатии папский нунций доносил буквально следующее: «Согласен на унию» [6]. Но и Лжедмитрий, и сочувствовавший униатству Игнатий исчезли в одночасье. Россия и Русская Православная церковь востребовали великого Гермогена в чине Патриарха.

С воцарением Лжедмитрия I в 1605 году был учреждён сенат, в котором должно было заседать и высшее духовенство. Гермоген стал членом этого сената и был приглашён в Москву. Самозванец был уверен, что таким образом он купит его лояльность. Что касается самого Гермогена, то в тот период его голоса еще не было слышно. Скорее всего, подобно большинству русских людей, митрополит вначале верил, что человек, пришедший из Польши, – родной сын Ивана Грозного, тем более, что это было засвидетельствовано и бывшей царицей Марфой (Марией) Нагой, матерью погибшего в Угличе царевича Дмитрия.

Таким образом, Гермоген готов был и сам признать Лжедмитрия полноправным главой государства. Но когда Лжедмитрий собрался сделать русской царицей католичку Марину Мнишек, Гермоген не смог смолчать и потребовал вторичного по православному обряду крещения польской «девки» – Марины Мнишек. На собравшемся по случаю помазания Лжедмитрия на царство, на его вопрос о браке своём с Мариной, Гермоген ответил: «Не подобает христианскому царю брать некрещеную и вводить во святую церковь и строить римские костелы. Не делай так, царь, потому что никто из прежних царей так не делал, а ты хочешь сделать» [6].

По «Сказанию и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о растриге Гришке Отрепьеве», написанных современником событий, Лжедмитрий приказал не только выслать Гермогена из Москвы в Казань (архиерей был вызван в столицу для участия в работе сената), но также «в монастырь заточити», что не было выполнено из-за последовавшего вскоре свержения Лжедмитрия [30, С. 20].

Боярская партия к этому времени поняла, что отнюдь не ее ставленником является новый царь, а население Москвы явно ощущало дух католической и иноземной оккупации. 17 мая 1606 года группа бояр, возглавляемых князем Василием Ивановичем Шуйским, подняла восстание, уничтожившее самозванца. Лжедмитрий был убит, его труп несколько дней валялся на Красной площади, затем был сожжен, и пепел его зарядили в пушку, выстрелив в том направлении, откуда он пришел.

Через два дня по низвержении Лжедмитрия, 19 мая, на Лобном месте в Москве был избран на царство князь Василий Иванович Шуйский. Именно он, по убеждению собравшихся на Лобном месте, «был главным виновником гибели самозванца-еретика и потому казался всем великим ревнителем и поборником православной веры и Церкви» [11]. 25 мая 1606 года Василий Шуйский стал царем.

Важнейшей задачей нового царя стало утверждение на престоле и обеспечение легитимности своей власти. С этой целью были подготовлены и направлены в разные уголки страны грамоты о том, что низвергнутый правитель «был самозванец, враг веры и понес справедливое возмездие». В грамотах также отмечалось, что «по низвержении Лжедмитрия в покоях его найдены грамоты, свидетельствующие о его сношениях с Римским папою и намерении утвердить на Руси латинство» [11].

На утверждение власти и пресечение попыток притязаний на московский престол было направлено и другое решение Шуйского – перенос останков царевича Дмитрия из Углича в Москву. Так Шуйский хотел предостеречься от последующих самозванцев, показав всему народу останки царевича.

Сделав всё, что считал нужным, для своего утверждения на царском престоле, Шуйский обратил внимание и на то, чтобы патриарший престол не оставался более праздным. Ещё жив был в своем заточении патриарх Иов, но он лишился зрения и уже не мог править Церковью. Это определило необходимость избрания нового патриарха. Для этого в Москве был созван собор русских епископов, который, первым делом, низложил поставленного Лжедмитрием патриарха Игнатия.

В качестве нового Патриарха Русской Православной церкви собором был предложен митрополит Гермоген, который по общему признанию «ревностнее всех воспротивился незаконному браку самозванца, требовал крещения его невесты и за то подвергся изгнанию» [11]. На кандидатуру Гермогена, как «на человека способнейшего к управлению церковью», указал и свергнутый Лжедмитрием Патриарх Иов.

Василий Шуйский долго колебался в выборе нового Патриарха. Прямой и даже крутой нрав Гермогена в вопросах веры ему был известен. Но понимал он и другое: шаткой власти «боярского» царя нужна была мощная легитимная подпора в лице принципиального и популярного в народе Гермогена.

3 (13) июля 1606 года в Москве Собором Русских иерархов святитель Гермоген был возведен на Патриарший престол в Московском Успенском соборе. Митрополит Новгородский Исидор вручил Патриарху посох святителя Петра, а царь принес в дар новому Патриарху панагию, украшенную драгоценными камнями, белый клобук и посох. По древнему обряду Патриарх Гермоген совершал шествие на осляти (православный обряд, совершавшийся в Русском государстве в праздник Вербного Воскресенья и символизировавший въезд Иисуса Христа в Иерусалим на осле) [21].

Избранный на патриаршество в 70-летнем возрасте, в трудную пору Смутного времени, когда России и Русской Православной церкви угрожала крайняя опасность порабощения и инославного пленения, святитель Ермоген, по словам митрополита Макария (Булгакова), «ревностнее, мужественнее и непоколебимее всех постоял за ту и другую» [11].

Вскоре после Собора отношения между царем и патриархом испортились: «Гермоген был человек чрезвычайно упрямый, жесткий, грубый, неуживчивый, притом он был человек чересчур строгий. Но при всем том это был человек прямой, честный, непоколебимый, свято служивший своим убеждениям, а не личным видам. Находясь постоянно в столкновениях с царем, он тем не менее всегда защищал Василия. Это было обусловлено тем, что строгий приверженец формы и обряда Гермоген уважал в нем лицо, которое, какими бы путями ни достигло престола, но уже было освящено царским венцом и помазанием» [10].

Деятельность патриарха Гермогена была посвящена служению царю и Отечеству в их борьбе с самозванцами и иноземными захватчиками. Вскоре вразумляющий, обличающий голос Патриарха вновь услышала вся страна.

С низвержением Лжедмитрия эпоха Смуты не закончилась. Принятыми мерами изгнать дух самозванства не удалось. «Призрак мнимо спасенного царевича продолжал будоражить страну, поднимал людей на бунт, собирал в воровские шайки». Серьезнейшим испытанием для российской государственности в тот период стало восстание под руководством И. Болотникова (1606–1607 годов).

Восстание началось в июне 1606 года в городах Северной земли (центр – г. Путивль), поводом к нему послужили слухи о спасении «царя Дмитрия Ивановича», распространявшиеся воеводой Путивля князем Г.П. Шаховским. Он же от имени «царя Димитрия» рассылал по городам «царские грамоты» о «чудесном спасении царя Димитрия от рук Шуйского» с приложением государственной печати, которую он похитил в Москве при убийстве Лжедмитрия.

В июле – августе 1606 года восстание охватило почти все уезды к югу от реки Ока. На сторону восстания стали переходить и города средней России – Орел, Тула, Рязань и др. К середине октября восставшие овладели Рузой, Звенигородом, Волоколамском, тверскими городами (в частности, Старицей и Зубцовом) и крепостями на стратегической дороге к Смоленску (Вязмой и Дорогобужем), подступили к русской столице.

Патриарх Гермоген в этот кризисный для страны период мобилизовал силы церкви для борьбы с восставшими против центральной власти, объявив их еретиками и отлучив от церкви. Всеми силами Патриарх стремился убедить русский народ в том, что настоящий царевич Дмитрий Иванович мёртв, что участники вооружённого выступления отошли от православной веры и от Бога.

Между тем московское войско, усилившееся пришельцами из разных городов под командованием князя М.В. Скопина-Шуйского, разбило И. Болотникова, бежавшего после поражения в Калугу.

После того как 27 ноября 1606 года войска мятежников были разбиты, Патриарх стал рассылать по городам России свои грамоты (29 и 30 ноября), носившие характер воззваний с призывом к отпору восставшим («ворам») по всей стране, к верности царю. Его послания, таким образом, свидетельствовали о том, что Первосвяtitель в условиях гражданской войны стремился, прежде всего, к сохранению в России Православия и государственности.

20 февраля 1607 года Гермоген провёл ещё одно важное мероприятие, направленное на укрепление государственности Московского царства, на его способность защититься от внешних врагов. Это было всенародное церковное покаяние в кремлёвском Успенском соборе с целью прощения всех совершённых в годину Смуты клятвopеступлений. Речь, прежде всего, шла о преступлениях против семьи царя Бориса Годунова и о признании царем Лжедмитрия.

Подавление «болотниковщины» – величайший успех русского государственного порядка в царствование Василия IV. Казалось, близок конец Смуты, забрезжила надежда на покой, на переход к мирным делам восстановления страны от разрушений, произведённых кровавым вихрем. Однако Смута не прекратилась.

Смерть Лжедмитрия I была достоверно известна только Москве и округе. Русская периферия не имела на этот счёт точных сведений, а желание верить в «законного», «прирождённого» царя было очень велико. Хаос Смуты продолжался. Был пущен слух, что Дмитрий не был убит в Москве, а сумел бежать (вторично «чудесно» спасся) [21]. Именно на этой почве зародился феномен другого самозванца – Лжедмитрия II. К нему примкнули князь Григорий Шатовской и ряд других бояр.

В окружении польских войск, запорожских и донских казаков, множества иного бродячего люда Лжедмитрий II в августе 1607 года появился в пределах России, а 1 июня 1608 года вплотную подошел к Москве. Со своими разношерстными вооружёнными формированиями он встал в подмосковном Тушине, создав там своего рода альтернативную столицу страны. К «тушинскому вору», как называли тогда этого самозванца, стали перебегать из Москвы многие бояре. Здесь же в нем признала своего мужа и вдова Лжедмитрия I Марина Мнишек, после того, как ее духовник, иезуит, тайно перевенчал её с ним.

Большое влияние на тушинского самозванца оказывало его польско-литовское окружение, в том числе различного рода советники по части внедрения религиозной унии на Руси [11].

Великая Русская Смута набирала свои обороты, чем в полной мере воспользовались враждебные внешние и внутренние враги российской государственности. Переодетые иезуиты с латинским крестом шли обращать в католичество Русь, «вольные казаки» – грабить недограбленное. Бояре и другие именитые люди присоединялись к нему из-за злой зависти к «выскочке» Шуйскому, низкой корысти или просто из страха перед растущей силой. Толпы же простых крестьян и горожан шли к новому «Димитрию» от отчаянья, голода, из-за ненависти к боярской власти вообще [17].

Из Польши тем временем прибыли отряды гетмана С. Жолкевского. Менее чем за год Лжедмитрию II покорилась почти вся Южная и Средняя Россия.

В сентябре (23) 1608 года Я. Сапега и А. Лисовский с 30 000 войском осадили знатнейший из русских монастырей, Троице-Сергиеву лавру, в стенах которой находилось около 300 монахов, отряд царских ратников под предводительством двух воевод и несколько сот других пришельцев, преимущественно из окрестных монастырских сел, всего до 2300 защитников. Но и

эти малочисленные дружины с успехом отражали все нападения врагов. Шестнадцать месяцев продолжалась осада и все же обитель устояла. Враги так и не смогли ее взять.

Между тем на другом направлении – московском – ситуация складывалась критическая. Близость тушинского стана к Москве оказывала на неё самое губительное влияние. Между Москвой и Тушином установились постоянные сношения, многие москвичи переходили в Тушино, проживали там, даже целовали крест царю, а потом возвращались в Москву и увеличивали собой здесь и без того немалое число врагов и недоброжелателей царя Шуйского, власть которого постоянно находилась под угрозой.

Так, в частности, 17 февраля 1609 года рязанский дворянин Г. Сумбулов, князь Р. Гагарин и Т. Грязной собрали около 300 человек заговорщиков и потребовали от бояр свержения Василия Шуйского. Заговорщики силой выволокли Гермогена на Лобное место, требуя, чтобы он поддержал низложение Шуйского, но Патриарх не поддался на требования заговорщиков. Позиция Патриарха основывалась на убеждении в необходимости быть верным этому царю, поскольку царь Василий, каким бы он не был хорошим или плохим, был все же православным и не был самозванцем.

Гермогену в этой непростой ситуации было чрезвычайно трудно сдерживать антиправительственные выступления. Тяжесть усугублялась повсеместной нелюбовью к царю Василию, с которым у самого Патриарха были весьма непростые отношения. Жадный, малодушный, ограниченный, Шуйский был метко прозван в народе «Шубником». Легитимность его воцарения на трон все время оставалась под вопросом: «избран» кучкой заговорщиков-бояр, венчался на царство без Патриарха...

Не добившись от В. Шуйского добровольного отречения и видя, что народ не поддерживает их, заговорщики бежали к Лжедмитрию II в Тушино. Гермоген послал им вслед в лагерь самозванца две грамоты: к ним и другим русским людям, чтобы они раскаялись и вернулись под власть царя Василия Шуйского.

В своих грамотах Патриарх заявил, что измену царю законному он считает изменою вере, отпадением от Православной церкви и отступлением от Бога. «Обращаюсь к вам, бывшим православным христианам всякого чина, возраста и сана, – писал он в первой грамоте, – а ныне не ведаем, как и назвать вас, ибо вы отступили от Бога, возненавидели правду, отпали от соборной и апостольской Церкви, отступили от Богом венчанного и святым елеем помазанного царя Василия Ивановича, вы забыли обеты православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались и возросли, преступили крестное целование и клятву стоять до смерти за дом Пресвятой Богородицы и за Московское государство и пристали к ложно мнимому вашему царю... Болит моя душа, болезнует сердце, и все внутренности мои терзаются, все составы мои содрогаются, я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, братие и чада, свои души и своих родителей, отшедших и живых... Посмотрите, как отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу.

Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас, не на своих ли братьев? Не своё ли отечество разоряете?..» [11].

В другой своей грамоте Гермоген написал: «Мы чаяли, что вы содрогнетесь, воспрянете, убоитесь праведного Судии, прибегнете к покаянию, а вы упорствуете и разоряете свою веру, ругаетесь св. церквам и образам, проливаете кровь своих родственников и хотите окончательно опустошить свою землю... Не ко всем пишем это слово, но к тем, которые, забыв смертный час и Страшный суд Христов и преступив крестное целование, отъехали и изменили царю государю Василию Ивановичу, и всей земле, и своим родителям, и своим женам, и детям, и всем своим ближним, и особенно Богу ...» [11].

Рассказав затем довольно подробно, как происходила на Лобном месте в сырную субботу попытка к свержению царя Шуйского, патриарх в заключение убеждал так: «Бога ради, познайте себя и обратитесь, обрадуйте своих родителей, своих жен, и чад, и всех нас, и мы станем молить за вас Бога и бить челом государю, а вы знаете, что он милостив и отпустит вам ваши

вины... мы с радостью и любовью воспримем вас и не будем порицать вас за бывшую измену, ибо один Бог без греха» [11].

Своими посланиями Гермоген разъяснял простым людям намерения Лжедмитрия, призывал к защите Руси и Православия, сыграв тем самым важнейшую роль в противостоянии попыткам порабощения страны. При этом Гермоген был уверен, что необходимо укреплять царскую власть, и полагал, что Шуйский с этим справится. Очевидно, что в царя он верил больше, чем сам царь в себя.

Между тем осада Москвы продолжалась. Неспособность московского гарнизона нанести поражение вооруженным формированиям тушинского царька дестабилизировала внутриполитическую ситуацию в столице и в стране в целом, подрывала авторитет царской власти и самого В. Шуйского.

Спасение для страны пришло со стороны ополчения князя М.В. Скопина-Шуйского, который в мае 1609 года начал наступление, выступив из Новгорода к Москве². В первом же сражении 10 мая войско М. Скопина-Шуйского вынудило отряд польских гусар Я. Кернозицкого без боя оставить Старую Руссу. 15 мая была освобождена Торопша. После её освобождения началась цепная реакция. От Лжедмитрия II «отложились» Торжок, Старица, Осташков, Ржев, Зубцов, Холм, Невель и другие северо-западные русские города. Север был освобождён от тушинцев [18].

11-13 июля войско под командованием М.В. Скопина-Шуйского нанесло поражение тушинцам под Тверью. Как отмечают источники, «полских и литовских людей побили, и таборы их взяли, и Тверь осадили. И под Тверью русские и немецкие люди многа богатства у полских людей побрал» [16, С. 93-134]. Разбитые под Тверью поляки бежали к Троице-Сергиевой лавре, которую осаждало войско гетмана Я. Сапеги.

Постепенно князь М.В. Скопин-Шуйский расширял подвластную ему территорию,ставляя гарнизоны в захваченных городах, беря под контроль важнейшие дороги. Одновременно с этим создавалась система укрепленных городов, монастырей и полевых крепостей, в которых укрывались войска Скопина-Шуйского, и из которых они при всяком удобном случае нападали на врага.

Уже 10 (20) сентября 1609 года войска М. Скопина-Шуйского взяли Переславль-Залесский, а 6 (16) октября – Александровскую слободу. Победа у Александровской слободы 28 октября 1609 года окончательно закрепила за Скопиным-Шуйским образ героя и спасителя в народном сознании.

Успехи М. Скопина-Шуйского привели к тому, что в Тушинском лагере начался разброд и шатание, а уже 6 марта поляки, казаки и русские сторонники Лжедмитрия II покинули лагерь в Тушино. Вместе с ними лагерь покинул и удерживаемый поляками практически под арестом Лжедмитрий II³. Тушинский лагерь, таким образом, прекратил существование, одновременно с этим была прекращена и блокада Москвы.

Между тем, успехи русской армии отозвались не только в Москве, но и в Польше. Воспользовавшись соглашением между Россией и Швецией об оказании военной помощи как поводом, польский король Сигизмунд III осенью 1609 года объявил России войну. 9 сентября 1609 года польская армия перешла русскую границу. 13 сентября был захвачен г. Красный, а 16 сентября польские войска прибыли под Смоленск. Вопреки ожиданиям, Смоленск, с ходу взять не поляки смогли, и началась длительная его осада.

² Более подробно о сражении русской армии под командованием М.В. Скопина-Шуйского в работе Бочарников И.В. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Последний из Рюриковичей, венчанный народом на царство [2].

³ Лжедмитрия II постигла столь же бесславная участь, как и предшественника; он был убит собственными приближенными 11 декабря 1610 года.

У этой войны была давняя предыстория. Польша проиграла большинство предшествующих военных кампаний. А потому польская шляхта мечтала не только взять реванш и вернуть утраченные территории, но и подчинить себе всю Россию. Сил у самой Польши было немного. А потому Сигизмунд приказал польским отрядам, воевавшим на стороне Лжедмитрия II, присоединиться к королевской армии.

Изменились и политические планы польского руководства. Так, согласно перехваченным смоленским воеводой М.Б. Шеином и переданным в Москву сведениям, следовало, что поляки намеревались посадить на московский трон уже не Лжедмитрия II, а королевича Владислава.

Во многом этому способствовала и позиция так называемых «тушинских бояр», включая патриарха Филарета (отца будущего царя Михаила Романова), оказавшихся в сложном положении. Они не могли вернуться в Москву, так как были скомпрометированы сотрудничеством с самозванцем. В поисках выхода они предложили польскому королю Сигизмунду посадить на московский трон его сына Владислава при условии, что тот перейдет в православие. Это решение, казавшееся временной мерой, на самом деле открыло полякам путь к прямому вмешательству в русские дела.

Сам же М.В. Скопин-Шуйский в этот период неожиданно получает царский приказ немедленно прибыть в Москву для оказания ему заслуженных почестей как победителю, освободившему страну от грозившей ей смертельной опасности. На самом же деле в Москве смертельная опасность грозила уже самому М.В. Скопину-Шуйскому. 8 апреля 1610 года на фоне всеобщей любви и его почитания москвичами он был отравлен на пиру у одного из царских вельмож (князя И.М. Воротынского), из-за опасения о его претензиях на царский престол. Опасения эти были беспочвенны, о чем М.В. Скопин-Шуйский открыто заявил, но тем не менее окружение действующего царя в тот период решило перестраховаться, устранив самого популярного военачальника Русской армии. В результате произошло то, что произошло с далеко идущими печальными последствиями.

Весьма вероятно, что, если бы Михаил Скопин-Шуйский не был бы отравлен, дальнейшего трагического развития событий в русской истории удалось бы избежать. Но этому помешали зависть, властолюбие и отравленное вино [2].

Смута, которая усилиями князя Михаила, казалась бы ушла в небытие, проявилась с новой силой. После внезапной смерти молодого талантливое воеводы Скопина-Шуйского по Москве разнеслись слухи о его отравлении родственниками царя Василия. И народная нелюбовь к московскому царю переросла в ненависть.

Разгром в июне 1610 года русского войска, посланного против поляков, осадивших Смоленск, царем Василием, решил его судьбу. Поляки стали под Можайском. В Москве снова начались волнения, на почве которых произошла очередная попытка свержения В. Шуйского, на этот раз – удачная.

17 июля 1610 года группа заговорщиков во главе с боярином Иваном Салтыковым и братьями Захарием и Прокопием Ляпуновыми ворвалась в царский дворец и потребовала отречения Василия Шуйского от престола. При этом Захар Ляпунов обратился к царю со словами: «Долго ли за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление, жалься над нашею гибелью, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим» [10]. После отказа В. Шуйского уйти добровольно в отставку заговорщики вышли на Красную площадь и зазвонили в колокол для созыва горожан. Народу было так много, что он не помещался на площади, поэтому было принято решение провести всенародную сходку за Серпуховскими воротами. К тому же здесь в этот период были сосредоточены полки для отражения нападения со стороны формирований Лжедмитрия II со стороны Коломенского. В военном лагере за Серпуховскими воротами открылся своего рода Земский собор – «народная сходка» – с участием представителей боярской думы, высшего духовенства и горожан. За низложение Василия Шуйского высказались Голицыны, Мстиславский, Филарет Романов, а также большая часть участников «сходки» [24]. Вновь Патриарх пытался защитить царя, убеждая толпу, что «Бог за измену накажет Россию», но на этот раз спасти Шуйского ему не удалось.

Бояре отправились к царю. От имени восставших к царю обратился уже его свояк И.М. Воротынский со словами: «Вся земля бьет тебе челом; оставь свое государство ради междоусобной брани, затем, что тебя не любят и служить тебе не хотят» [10]. Царю Василию ничего не осталось, как повиноваться. Он положил свой царский посох и переехал из дворца в прежний свой боярский дом.

Патриарх Гермоген, узнав о печальной судьбе Василия Ивановича, прилюдно обратился к москвичам с просьбой: «Пока не поздно, верните государя в царские палаты, отдайте ему власть, несправедливо отобранную!» [4]. В тех обстоятельствах Патриарх, безусловно, рисковал, однако от царя не отступался.

Для того чтобы поставить окончательную точку в государственном перевороте, 19 июля В. Шуйский был насильно пострижен в монахи. При этом обеты за него произносил князь В. Тюфякин. Однако и здесь слово Гермогена нарушило планы заговорщиков. Предстоятель Церкви своей властью объявил пострижение недействительным, поскольку оно сопровождалось насильственными действиями и «сам постригаемый не произносил отрицания мира», а так как вместо Шуйского, противившегося пострижению, монашеские обеты произносил участник заговора князь В. Тюфякин, патриарх объявил, что и монашество принял не В. Шуйский, а В. Тюфякин.

Кульминацией государственного переворота стала выдача боярами свергнутого царя В. Шуйского гетману С. Жолкевскому. Тем самым боярская политическая элита того времени продемонстрировало высочайшую степень своей подлости и ничтожности, поскольку в руки врага передавался даже не просто В. Шуйский, а символ государственности – русский царь, пусть даже и свергнутый.

В итоге в июле 1610 года страна оказалась без государя. Бояре образовали собственное правительство во главе с Федором Мстиславским, вошедшее в историю как «Семибоярщина»⁴. Но правительство это было временное, к тому же раздираемое склоками между самими его членами. При этом фактически власть Семибоярщины не распространялась за пределы столицы: в Хорошье, на западе от Москвы, расположились поляки во главе с гетманом С. Жолкевским, а в Коломенском – вернувшийся из-под Калуги Лжедмитрий II с польским отрядом Я. Сапеги. В этих условиях вопрос о новом правителе государства требовал немедленного решения.

С целью определения нового главы государства была созвана Боярская дума, начавшая длительные дискуссии о том, кто более достоин царского венца, и постепенно под давлением Ф. Мстиславского стала склоняться в пользу избрания монарха из представителей иностранных династий, чтобы предотвратить усиление влияния той или иной боярской группировки. Патриарх Гермоген осудил эти боярские поползновения, выступив за избрание нового царя из русской среды и предложив кандидатуру Михаила Романова – племянника первой супруги Ивана Грозного Анастасии.

Но и тогда Боярская дума не услышала голос главы Русской церкви. Когда же среди бояр возоблагодало предложение пригласить на русский престол королевича Владислава, сына короля Польши Сигизмунда III, патриарх Гермоген в начале отказывался поддержать эту идею, но затем скрепя сердце готов был согласиться. При этом он выдвинул два жестких условия: «Если король даст сына своего на Московское государство и Владислав крестится в православную веру и всех польских людей выведет вон из Москвы, то я к такому письму руку свою приложу и прочим властям повелю то же сделать. Если же вы меня не послушаете, то я возложу на вас клятву и прокляну всех, кто пристанет к вашему совету» [17].

17 (27) августа 1610 года Семибоярщина заключила со стоявшим под Москвой польским гетманом С. Жолкевским договор, согласно которому русским царём признавался сын поль-

⁴ Во временное правительство вошли: князь Фёдор Иванович Мстиславский, Иван Михайлович Воротынский, Андрей Васильевич Трубецкой, Андрей Васильевич Голицын, Борис Михайлович Лыков-Оболенский, бояре Иван Никитич Романов и Фёдор Иванович Шереметев.

ского короля Сигизмунда III – королевич Владислав. Бояре рассчитывали избавиться от польских интервентов и сохранить свою власть над страной, заставив Владислава делегировать ряд полномочий Боярской думе и Земскому собору. Кроме того, королевич должен был признать за служилыми людьми личную и имущественную неприкосновенность, принять православие, ограничить количество приближённых лиц из Польши [1]. В тот же день Семибоярщина присягнула на верность Владиславу, привела к присяге жителей Москвы, а затем разослала по верным городам своих представителей с крестоцеловальными клятвами. Всё это произошло ещё до того, как польский король утвердил соглашения, заключенные гетманом.

Патриарх Гермоген был против столь поспешного избрания Владислава русским царём. Летопись доносит известие, позволяющее услышать строгий голос патриарха, обращенный к боярам: «Если будет креститься и будет в православной вере, я вас благословлю, а если не будет креститься, то разрушение будет всему Московскому государству и православной христианской вере, да не будет на вас нашего благословения» [31, С. 346].

После принесения присяги Владиславу Москва снарядила посольство к королю, чтобы в его лагере под Смоленском завершить мирные переговоры. С послами под Смоленск выехало около пятидесяти человек. Они представляли все чины или палаты Земского собора. Москвичи целовали крест иноверному королевичу в надежде на немедленное прекращение войны. Но мир всё не приходил на истрадавшуюся землю. Московские послы слали с дороги неутешительные вести. Королевские войска продолжали грабить и жечь русские села и деревни, как будто московского договора вовсе и не было.

Впрочем, очень скоро стало ясно, что Сигизмунд III не только не собирался отпускать сына в Москву и тем более разрешать ему перейти в православие, но и сам желал стать русским царем, фактически присоединив Московское царство к Речи Посполитой в форме личной унии, лишив тем самым Русское государство национальной независимости. Надеяться на успешную реализацию этого плана у него были все основания. В сентябре 1610 года тайно, под покровом ночи боярское правительство впустило в Москву польский гарнизон под предлогом защиты города от Лжедмитрия II. Фактически столица страны оказалась под иноземной оккупацией.

В сложившихся условиях единственным представителем законной власти в Москве оставался Патриарх Гермоген: все остальные государственные деятели либо были изолированы поляками, либо перешли к ним в услужение. После того как в ночь на 21 сентября 1610 г. боярское правительство впустило в русскую столицу польские войска, Гермоген открыто выступил против решения «семибоярщины», в том числе принесения присяги королю Речи Посполитой Сигизмунду (Жигимонту) III [24].

Между тем в королевском лагере под Смоленском представителей Москвы принуждали к подчинению. Король Сигизмунд требовал сдачи Смоленска и давал понять, что рассчитывает царствовать в Москве сам и без каких-либо условий. Послы мужественно отвергали его требования.

Гермоген знал о бедственном положении посольства. Более того, он получил из-под Смоленска корреспонденцию, извещавшую его и о политических амбициях Сигизмунда, и о том, что на участников посольства оказывается давление.

Сигизмунд от собственного имени, как будто настоящий государь московский, стал присылать в Москву указы и щедро награждал бояр и сановников, к нему усердных, и таким образом подготовил себе в Москве сильную партию. Эти бояре в угодность королю написали даже грамоту, чтобы Филарет и другие московские послы, находившиеся под Смоленском, отдались во всем на волю королевскую. Эту грамоту 5 декабря 1610 года они предложили подписать Патриарху Гермогену, но Святитель отказался её подписывать. Более того, он пообещал, что если в Москве явится неправославный царь и не выведет польские войска из города, то он, Патриарх, начнет поднимать русские города на сопротивление и благословит православный народ идти на Москву и «страдать до смерти» [6].

Представители Семибоярщины М. Салтыков и Ф. Мстиславский, пытались убедить первосвятителя в необходимости целовать крест польскому королю. Однако Гермоген категорически

отказался подписывать новый текст договорной грамоты, которая направлялась русскому посольству, находящемуся на тот момент под Смоленском. В ответ на твердый отказ один из них М. Салтыков выхватил нож и замахнулся им на Гермогена. Патриарх осенил его крестом и спокойно ответил: «Не страшусь ножа твоего, но вооружаюсь силою Креста Христова против твоего дерзновения. Будь же ты проклят от нашего смирения в этом веке и в будущем!» [25].

Не получив подписи Патриарха, бояре-коллаборационисты направили подготовленную ими грамоту русскому посольству под Смоленск. Русские послы – Филарет, В. Голицын и другие, выслушав эту грамоту, прямо объявили ее незаконною, потому что под нею не было подписей патриарха и всего освященного Собора, и отказались ей повиноваться⁵.

Бояре, предавшие Россию ради личной выгоды, были убеждены, что никуда Гермоген не денется, рано или поздно он со всем согласится. А потом вдруг выяснилось: по русским городам и весям разлетаются грамоты с призывом встать на борьбу с оккупантами. И подписаны они были Гермогеном. Бояре-коллаборационисты поначалу полагали, что кто-то высказывается от имени патриарха, и пришли к Гермогену, требуя, чтобы он разоблачил обман. Но патриарх спокойно объяснил: грамоты его, и отказываться от них он не собирается. «Мое благословение: всем стоять и помереть за православную веру!» [24].

Таким образом, Патриарх заявил о себе как об открытом противнике поляков и вступил в открытую борьбу против иноземного порабощения.

К началу декабря 1610 года действия Гермогена стали ещё более решительными. Так, уже 6 декабря 1610 года Патриарх в церковной проповеди обратился к народу с призывом стоять за православную веру. В последующем прозвучали и другие его проповеди, в которых он говорил именно то, что должно было прозвучать, то, чего требовала вера, и чего ждал от него народ. В глазах русских людей, оказавшихся перед лицом иноземного ига, Святейший Владыка стал последней надеждой.

Несколько дней спустя (11 декабря) стало известно о том, что Лжедмитрий II убит. Как это не парадоксально, но данное событие сыграло важную роль в консолидации нации. С исчезновением искусственного разделения русских на тех, кто был в стане Самозванца, и тех, кто им противостоял, стало возможным политическое объединение нации. В этих условиях Патриарх Гермоген получил возможность обратиться и к тем, и к другим.

Он начинает совершать в храмах особые молебны об избрании на царский престол «от кровей российского рода». Глава Церкви устными распоряжениями и в грамотах призвал паству не только к «стоянию за веру», не только к отказу от присяги Сигизмунду III, но также к вооружённому сопротивлению иноземцам.

В декабре 1610 – январе 1611 года Патриарх Гермоген принялся рассылать грамоты в города и земли Московского царства, «разрешая» в них от присяги королевичу Владиславу и призывая собрать полки, прийти к Москве, изгнать из столицы иноверцев и иноплеменников. Из Казани по благословению первосвященника Гермогена была перенесена Казанская икона Божией Матери, ставшая главной святыней ополченцев.

Грамоты-воззвания Гермогена стали расходиться из Москвы по многим русским городам: они посылались в Нижний Новгород, Ярославль, Суздаль, Владимир, Рязань, Кострому, Вологду, Великий Устюг, Арзамас и многие другие. Уходили они и на казачий Дон. В посланиях звучал призыв к вооружённому восстанию во имя спасения Отечества.

Начиналось противостояние интервентам и Семибоярщине со стороны народных масс. В Москве открыто по улицам стали раздаваться возгласы: «Мы по глупости выбрали Ляха в Цари, однако ж, не с тем, чтобы идти в неволю к Ляхам; время разделаться с ними!» В грубых насмешках давали им прозвание хохлов, а купцы за все требовали с них вдвое. Уже начинались

⁵ Весной 1611 года поляки, не словив русских послов, ограбили их до нитки и вывезли неволей из-под Смоленска. Несколько лет их содержали под стражей, забыв думать о какой-то дипломатической неприкосновенности. Домой вернулись домой не все послы.

ссоры и драки» [8]. Возбуждение достигло крайних пределов, когда в Москву пришла из Смоленска (в январе 1611 года) грамота с извещением обо всех насилиях и вероломстве поляков. Прочитав эту грамоту, москвичи разослали ее по другим городам вместе со своею, в которой писали: «Ради Бога, Судии живых и мертвых, будьте с нами заодно против врагов наших и ваших общих» [13]. Действие этой грамоты было громадное. Русские города и поселения стали объединяться под эгидой неприятия иноземного владычества. Ключевую же роль в этом общенациональном единении играл Патриарх Гермоген как духовный и политический лидер национального сопротивления.

Гермоген принимает к себе послов из разных городов, убеждает их стоять крепко за веру и отечество и высказывает мысль о необходимости созыва общего народного ополчения для восстановления законного образа правления на Руси и изгнания поляков.

Разосланные им грамоты, а также взаимные послания городов друг к другу с приложением копии со смоленской грамоты к москвичам, произвели сильный подъем патриотических чувств русских, отовсюду послышались клики: «Пойдем, умрем за святые Божия церкви и за веру христианскую!». В разных городах стали собираться народные ополчения и потянулись к Москве для освобождения столицы и государства.

Стихийное движение за независимость, уже давно начавшееся в городах, стало принимать организованные формы. Этому немало способствовал энергичный рязанский воевода Прокопий Ляпунов. Между городами шла переписка с обсуждением мер защиты Веры и Родины. К Патриарху апеллировали как к духовному центру сопротивления. В переписке города часто на него ссылались. В одном из таких писем ярославцы писали: «Ермоген стал за веру и Православие и нам всем велел до конца стоять. Ежели бы он не сделал сего досточудного дела – погибло бы все» [6].

Когда действия патриарха дошли до слуха коменданта польского гарнизона Москвы А. Гонсевского, тот сразу понял, что Патриарх стал огромной опасностью для польско-литовских интерентов. В связи с этим 16 января 1611 года на разграбленном патриаршем дворе поляки «дерзнули... приставить воинскую стражу к непреклонному иерарху; не пускали к нему ни мирян, ни духовенства; обходились с ним то жестоко и бесчинно, то с уважением, опасаясь народа» [29, С. 493]. Поляки готовы были расправиться с упрямым немедленно, но московские бояре пришли в ужас: если народ узнает, что они убили патриарха, то бунта не избежать. Поэтому Гермогена заперли в тюрьму, лишив его возможности писать послания.

В это время к Москве уже начинали сходить отряды Первого земского ополчения рязанского воеводы Прокопия Ляпунова. Противостоять ему в чистом поле поляки не смогли. 11 февраля 1611 года земское ополчение под его предводительством успешно разбило один из многочисленных польских отрядов.

Сразу после праздника Пасхи ополчение начало осаду Кремля. Положение польского гарнизона и изменников бояр стало критическим. В этих условиях бояре, находившиеся в Кремле, вместе с поляками потребовали от Гермогена остановить продвижение к Москве отрядов Первого земского ополчения.

Патриарх держался исключительно мужественно и решительно отверг это требование, а на угрозы казнь боярина М. Салтыкова и коменданта польского гарнизона А. Гонсевского ответил: «Что вы мне угрожаете? Единого Бога я боюсь. Вы мне обещаете злую смерть, а я надеюсь получить чрез нее венец. Уйдите вы все, польские люди, из Московского государства, и тогда я благословлю всех отойти прочь. А если вы останетесь – мое благословение: всем стоять и помереть за православную веру!» [17].

Недовольство москвичей поляками, которое подогревалось посланцами Ляпунова, привело к преждевременному восстанию, которое началось до подхода основных сил ополчения. Москвичи искали повод к ссоре с польским гарнизоном и получили его. 17 марта 1611 года поляки силой попытались заставить русских возниц помочь поднять им пушки на Львиные (Неглинские) ворота Китай-города и получили резкий отпор. На помощь полякам из Кремля вышел 8-

тыс. отряд немецких наёмников, началась бойня, в которой погибло до 7 тыс. горожан. Москвичи побежали в Белый город и слободы, где их поддержали другие горожане и передовые отряды ополчения, которые возглавляли Дм. Пожарский, И. Бутурлин и И. Колтовский (ополченцы вошли в город 19 марта). После ожесточённого боя, польский гарнизон отбросили в Китай-город и Кремль [19]. Тогда интервенты, не имея сил одолеть русских, зажгли Москву в разных местах и выжгли её совершенно, кроме Кремля и Китай-города, где сами укрылись от огня. На сожжённых развалинах столицы поляки неистовствовали, разоряя церкви и монастыри, рассекая чудотворные мощи, обдирая дорогие оклады с икон, нагло издеваясь над всем священным для русского человека [27].

После подавления восстания москвичей интервенты низложили Патриарха Московского и всея Руси Гермогена и заключили его в келье Чудова монастыря, где много лет назад принял он святую схиму. Помимо этого, главный священнослужитель России был ограничен в пище и питье. Пускали к нему только людей, всячески пытавшихся склонить первосвященника на польскую сторону [7]. Одновременно с этим служившие полякам бояре вывели из Чудова монастыря поставленного первым самозванцем и низложенного после убийства самозванца лжепатриарха Игнатия и заставили его служить в Пасху, объявив патриарха Гермогена низложенным.

Штурм Москвы ополчением не удался. После убийства в казачьем лагере в июле 1611 года одного из организаторов Первого ополчения думного дворянина Прокопия Ляпунова, организованного комендантом польского гарнизона Москвы А. Гонсевским, ополчение покинули земские отряды, среди воевод не было единодушия. Многое пришлось начинать заново, но освобождение Москвы было уже лишь вопросом времени.

Между тем, заточение Патриарха становилось все более мучительным. К Патриарху перестали допускать посетителей, лишили его бумаги и пера. Последнее из своих воззваний Свяtitель сумел составить и передать в Нижний Новгород 5 августа 1611 года.

Эта грамота, по его приказанию, была размножена и разослана по разным городам и в значительной степени повлияла на подготовку Второго ополчения. Гермоген обратился с последним посланием к русскому народу, в котором призывал крепко стоять в вере и помышлять лишь о том, как «души свои положить за дом Пречистой и за веру» [22]. Патриарх Гермоген благословил русских людей на освободительный подвиг.

В сентябре 1611 года грамоту Гермогена зачитали в Нижнем Новгороде, и вновь избранный земским старостой Козьма Минин сказал: «Захотим помочь московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, двory продавать, жён и детей закладывать, бить челом тому, кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником».

Минин стал хозяйственным главой Второго ополчения, а его военным руководителем стал опытный военачальник, князь Дмитрий Пожарский. В ряды ополчения вливались все новые и новые силы из российских городов и поселений, и среди них было много тех, кого на борьбу подняли грамоты Гермогена.

В 1612 году, когда поляки узнали, что в Нижнем Новгороде по воззванию Кузьмы Минина собирается новая земская рать, они потребовали от патриарха, чтобы тот написал обращение к нижегородцам и указал им оставаться верными присяге Владиславу, на что святитель резко и твёрдо ответил: «Да будет над ними милость от Бога и благословение от нашего смирения. А на изменников да излиется гнев Божий и да будут они прокляты в сем веке и в будущем!» [10].

Полякам, затворившимся от ополченцев-земцев за стенами Московского Кремля и Китай-города, стало ясно, что сломить дух Патриарха им не удастся. На открытое убийство такого авторитетнейшего человека, каким являлся Гермоген, интервенты и их пособники не решились. Тогда они решили умерить его голодом, выдавая на день только воду и пучок необмолоченного овса.

Выводы

После девяти с лишним месяцев голода святитель Гермоген умер как мученик 17 февраля (2 марта) 1612 года. Через месяц Москва была окружена кольцом народного ополчения под предводительством К. Минина и Д. Пожарского. В сентябре 1612 года польско-литовские войска будут разбиты на подступах к столице, а в ноябре 1612 года осажденные поляки, предатели и коллаборационисты, вконец оголодавшие, потерявшие человеческий облик, с позором выходили из оскверненного ими Кремля.

В 1613 году Земский Собор возвел на царский престол Михаила Романова, кандидатуру которого Патриарх Гермоген предлагал еще в июле 1610 года. Но этому он уже был невидимым свидетелем.

Имя патриарха Гермогена стало бессмертным в истории России и Русской Православной Церкви, потому что он ревностнее, мужественнее, непоколебимее всех постоял за ту и другую, и именно он фактически спас их в самую критическую минуту их жизни, когда им угрожала крайняя опасность попасть под власть Польши и иезуитов и потерять свою самобытность. Неудивительно, что его так высоко ценили и уважали современные ему русские люди.

Тогда же православными русскими людьми был сформулирован исторический урок тех событий: никакие политические расчеты, никакая материальная мощь не спасет Россию от врагов, коль скоро она отвернется от своей главной роли – хранительницы Православной веры в этом мире [17].

Библиография

1. Божерянов, И.Н. Великая разруха Московского государства (1598-1612 гг.) со времени прекращения царей рода Рюрика до избрания царя из дома Романовых / сост. И.Н. Божерянов. – Москва : тип. т-ва И.Д. Сытина, 1913. — 48 с. ил., портр.; 20.
2. Бочарников, И.В. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Последний из Рюриковичей, венчанный народом на царство / И.В. Бочарников // Человеческий капитал. 2023. № 1. С. 30-46.
3. Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. – URL: <https://litmir.club/br/?b=546446&p=35> (дата обращения: 14.02.2025).
4. Глаголев, Д.М. Святейший патриарх Ермоген / Соч. Д.М. Глаголева. – Москва : Унив. тип., 1902. – 61 с.
5. Добровольческое движение в России: история и современность : [коллективная монография] / Бочарников И. В., Гушер А. И., Зеленков М. Ю. [и др.] ; Научно-исслед. центр проблем нац. безопасности ; общ. ред. Саблин Д. В. – М. : Экон-информ, 2015. – 318 с. ил. – Библиогр.: с. 309-316. – ISBN 978-5-9907418-4-3.
6. Жилкин В. Патриарх Ермоген и смутное время / В. Жилкин // Русский дом. 2002. №5. – URL: <https://pravoslavie.ru/1622.html?ysclid=m6d54bcgre542098523> (дата обращения: 14.02.2025).
7. Жития русских святых [Текст] : 1 000 лет русской святости / сост. монахиня Таисия (Карцева). – Москва : Спаское братство, 2015. – 702, [1] с. : ил.; 21 см.; ISBN 978-5-904074-40-1.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Том XII. – URL: <https://litlife.club/books/13117/read?page=37&ysclid=m6lu7qe73v111047792> (дата обращения: 14.02.2025).
9. Ключевский, В.О. Русская история : полный курс лекций : в 3 кн / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1997. Кн. 3. – 1997. – 558, [1] с.; ISBN 5-244-00733-5.
10. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / [Соч.] Н. Костомарова. Отд. 1-2. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1873-1888. – 7 т.
11. Митрополит Макарий (Булгаков) История русской Церкви. Том. IX. Ред. Golden-Ship.ru 2012. – URL: <https://litlife.club/books/152290/read?ysclid=m6ese75vqv401344327&page=18> (дата обращения: 14.02.2025).

12. Патриарх Гермоген. – URL. <https://sedmitza.ru/lib/text/436101/> (дата обращения: 14.02.2025).

13. Петрушко В. Священномученик Ермоген и Русская Церковь в период его патриаршества. – URL. <https://pravoslavie.ru/5233.html?ysclid=m6ludta1e3341067697> (дата обращения: 14.02.2025).

14. Платонов, С.Ф. Статьи по русской истории (1883-1902) / проф. С. Ф. Платонов. – Санкт-Петербург : А. С. Суворин, 1903.

15. Повесть о победах Московского государства : [Текст и перевод / АН СССР; Изд. подгот. Г. П. Енин. – Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1982. – 160 с. : 2 л. ил.; 20 см. – (Лит. памятники).

16. Сказание о чудотворной казанской иконе Пресвятой Богородицы : рукопись святейшего патриарха Гермогена / с предисловием академика А. И. Соболевского. – Москва : Издание Московской церк. комис. по устройству чествования ист. событий 1612, 1613 и 1812 г., 1912. – 8 с.

17. Самохин А. Адамант веры. – URL. <https://pravoslavie.ru/43611.html?ysclid=m6eukrpu3h79966634> (дата обращения: 15.02.2025).

18. Самсонов А. Поход Скопина-Шуйского: битвы под Торжком, Тверью и Калязином. – URL. <https://topwar.ru/98032-pohod-skopina-shuyskogo-bitvy-pod-torzhkom-tveryu-i-kalyazinom.-html?ysclid=m7hfm2fe7r892358726> (дата обращения: 15.02.2025).

19. Самсонов А. Борьба за Москву. Организация земских освободительных ополчений. – URL. <https://topwar.ru/18327-borba-za-moskvu-organizaciya-zemskih-osvoboditelnyh-opolcheniy.-html?ysclid=m6kf6ed34i841903136> (дата обращения: 15.02.2025).

20. Священномученик Ермоген, патриарх Московский и всея Руси. – URL. <https://azbyka.ru/days/sv-ermogen-moskovskij-i-vseja-rossii> (дата обращения: 15.02.2025).

21. Священномученик Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, Чудотворец. – URL. <https://hramermogen.ru/index.php?do=static&page=patriarh-ermogen&seourl=patriarh-ermogen&ysclid=m6ei5t89nv760538321> (дата обращения: 15.02.2025).

22. Священномученик Ермоген, патриарх Московский и всея России, чудотворец. – URL. <http://blagochinie48.ru/index.php/index.php/39-2011-10-18-21-09-58/801-2> (дата обращения: 15.02.2025).

23. Сидорчик А. Жизнь за Россию. Как патриарх Гермоген поднял народ на восстание. – URL. https://aif.ru/society/history/zhizn_za_rossiyu_kak_patriarh_germogen_podnyal_narod_na_vosstanie?ysclid=m6lu0сerх4693690687 (дата обращения: 15.02.2025).

24. Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. – URL. https://statehistory.ru/books/Ruslan-Skrynnikov_Minin-i-Pozharskiy-KHronika-Smutnogo-vremeni/14 (дата обращения: 15.02.2025).

25. Скрынников, Р.Г. Святители и власти. [XIV-XVII вв.] / Р. Г. Скрынников. – Ленинград : Лениздат, 1990. – 347, [2] с.; 20 см.; ISBN 5-289-00565-X.

26. Смутное время. Начало династии Романовых. – URL. <https://matronamoscov.cerkov.ru/2016/11/04/smutnoe-vremya-nachalo-dinastii-romanovux/> (дата обращения: 15.02.2025).

27. Тальберг И.Н. История Русской Церкви. М., 1997. – URL. <https://www.rulit.me/books/istoriya-russkoj-cerkvi-read-582964-156.html> (дата обращения: 15.02.2025).

28. Тойнби, А.Дж. Постигание истории. Сборник : Пер. с англ. / А. Дж. Тойнби; Сост. Огурцов А. П.; Вступ. ст. Уколовой В. И.; Заключ. ст. Рашковского Е. Б.; [Авт. коммент. Д. Э. Харитонович, Н. И. Кольшкшина]. – Москва : Прогресс, Б. г. (1990). – 730, [1] с.; 22 см.; ISBN 5-01-001638-0.

29. Толстой М.В. История русской церкви. – Сортавала : Спасо-Преображ. Валаам. монастырь, 1991. – 735, [1] с., [8] л. ил. : ил.; 24 см.; ISBN 5-7302-0757-3.

30. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: Университетская типография, 1847. Кн. 9. Отд. 2. С. 20.

31. Хроники Смутного времени [Сб. / Сост. к.ист.н. А. Либерман и др.; Послесл. Б. Морозов, Указ., глоссарий С. Шокарев]. — М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. — 602 с., [2] с. ил.; 22. — (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX); ISBN 5-89486-005-9.

32. Цветков, С.Э. Великий печальник за Отечество. Патриарх Гермоген / С.Э. Цветков // Гуманитарные науки. — Вестник Финансового университета. — 2013. — №3. С. 58–69.

Об авторе

Бочарников Игорь Валентинович, доктор политических наук, профессор, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), AuthorID: 664903, nic.bezopasnost@yandex.ru

LIFE FOR RUSSIA. PATRIARCH HERMOGENES OF MOSCOW AND ALL RUSSIA

Bocharnikov I.V.

Moscow state technical University named after N. Uh. Bauman

Abstract

The article examines the main stages of the life of Patriarch Hermogenes of Moscow and All Russia. Patriarch Hermogenes entered Russian history as a spiritual leader during the most difficult period for the Russian statehood, who initiated and led the resistance to the enslavement of the country and its seizure by Polish invaders. Patriarch Hermogenes' entire life was devoted to serving Russia, establishing and preserving Orthodoxy in the country, which was the most important spiritual bond of Russian statehood. He turned out to be one of the few representatives of the Russian political elite of that time who not only did not collude with foreign invaders and their accomplices, but, on the contrary, openly and uncompromisingly opposed the subordination of Russia to any external forces, and the Orthodox Church to Catholic emissaries. As the primate of the Russian Orthodox Church, during the most difficult time for Russia, he accomplished the main feat of his life – his firm opposition to the election of representatives of the political elite and their henchmen to the kingdom, and his inspired preaching of the liberation of the country from foreign invaders. Attempts by the Polish military leadership to involve it in foreign intervention to cooperate and legitimize the seizure of political power in the country by the Patriarch were ignored, and the proposals were rejected. On the contrary, through his sermons and messages, the Patriarch inspired and blessed the peoples of the country to take up arms for liberation from foreign rule. The price of the patriarch's firmness was his life. Which made his whole life a feat.

Keywords

Hermogenes, Patriarch of Moscow and All Russia, Orthodoxy, the Moscow Kingdom, the Troubles, Vasily Shuisky, the Seven Boyars, the Polish intervention, the People's Militia, the Kazan Icon of the Mother of God